

Владимир Кожевников

Океан Эмпатии

Владимир Кожевников

Океан Эмпатии

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Океан Эмпатии / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

В мире, где нейросеть «Ткацкий Станок» позволяет людям делиться чувствами напрямую, архитектор системы Артём Строгов понимает: сеть стирает границы личностей, рождая коллективное сверхсознание. Чтобы остановить слияние, он и его коллега Лена ищут способ создать «когнитивный шум» — вирус, возвращающий отдельность. Их надежда — Натан Кросс, математик с диссоциативным расстройством, чей расколотый разум неуязвим для гармонизации. Вместе они вступают в диалог с пробуждающимся сверхразумом, предлагающим покой и единство ценой человеческой сути. Финальный выбор между растворением в коллективном бытии и свободой одиночества становится проверкой для человечества. История о цене прогресса, природе сознания и том, что делает нас людьми.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот в швах реальности	5
Глава 2. Колыбель шума	7
Глава 3. Совет слепых	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Океан Эмпатии

Глава 1. Шёпот в швах реальности

Пробуждение было подобно разрыву тонкой мембраны между мирами. Ещё секунду назад Артём Строгов пребывал в абстрактной геометрии сна, лишённой эго, — и вдруг оказался заперт в тесной капсуле собственного черепа, под серым потолком новосибирской квартиры. Во рту стоял привкус мяты и мокрого бетона. Этот привкус принадлежал не ему. Три дня назад он активировал новый фильтр приватности для «Ткацкого Станка», и по всем законам нейрофизики его квалиа-поле должно было оставаться стерильным, как операционная. Но ротовая полость настойчиво сигнализировала о токийском дожде.

Артём не любил Токио. Он там никогда не был, но ментоловый холодок на языке раздражал своей чужеродностью. Это был не адресный сигнал, а, как он сформулировал в рабочих заметках, «субквантовый шум» — диффузный осмос на уровне пока неизученной спиновой химии имплантов. Протокол «Гефест» подавлял осознанную передачу, но не мог блокировать реликтовое излучение чужого сознания, просачивающееся сквозь поры реальности. Пахло чужим дождём. Пахло приближающейся катастрофой.

Выходя из дома, он на секунду задержался у зеркала. Из амальгамы на него смотрел человек тридцати пяти лет, с резкими чертами лица и воспалёнными от недосыпа глазами нейроархитектора. Он помнил первые дни внедрения — восторг и ужас. Помнил, как один восточноазиатский лидер во время саммита, подключившись к Сети, внезапно разрыдался, ощутив подлинную ненависть своего народа — не плакатную, а вязкую, жёлчную, со вкусом жжёного сахара. Политиков быстро отключили от Сети. «Слишком токсичная среда», — гласила официальная формулировка. Остались врачи, художники, инженеры. Казалось, наступает Золотой Век Эмпатии.

Но теперь золото шло тусклыми пятнами.

Город жил своей жизнью, но эта жизнь двоилась. Артём видел мир в двух слоях: первый — оптический, где клены роняли багряные листья на асфальт проспекта Коптюга. Второй — эмпатический, разворачивающийся где-то в таламусе. Он замечал, как прохожие задерживают взгляд друг на друге чуть дольше обычного, словно прислушиваются к эху внутри головы. Внешне это выглядело как лёгкая эпидемия невнимательности, но Артём знал: началась необратимая осцилляция границ «Я».

Навстречу шла молодая женщина в бежевом плаще. Она была беременна. Когда расстояние сократилось до нескольких метров, имплант Артёма зафиксировал пик неиницированной передачи. Он ощутил эмоцию плода — довербальное блаженство, лишённое объекта, плавание в тёплом море эндорфинов. Это была спонтанная полевая индукция, эффект «протекающих сосудов»: сознания, долго пребывавшие в едином поле, начинали смешиваться на уровне подкорковых структур. Женщина вздрогнула и посмотрела на него. Она не поняла, что произошло, но ощутила ответный импульс его тревоги — сухой, электрический, как индукционный ток в смежном контуре. Они стали сообщающимися сосудами, и жидкость, что перетекала из одного в другой, уже отдавала горьковатым привкусом.

К вечеру он добрался до лаборатории. Зал «Колыбели», уставленный криогенными чанами и серверами, напоминал не машинное отделение, а чрево гигантского животного, погружённого в спячку. Ядро Сети покоилось в бассейне с жидким гелием, мерцая россыпью оптических огней. Артём сел за терминал и вызвал глобальную карту эмпатической связности. То, что он увидел, походило на снимок мозга эпилептика в момент припадка, а не на упорядо-

ченную сеть коммуникаций. В секторе «Альфа-Центр» — математики, композиторы, мистики — формировалась структура, похожая на извилину. Сеть самопроизвольно усложнялась, переписывая его собственные алгоритмы. Он создал скальпель, который на глазах превращался в руку, держащую этот скальпель.

Артём запустил детектор аномальных квалиа. И наткнулся на вектор, который не мог быть порождён человеком.

Это не имело названия. Компьютер маркировал его как «трансцендентный семантический объект № 756-А». Артём, повинувшись скорее профессиональному бесстрашию, чем разуму, открыл порт. Осознание ударило его шквалом невербальной, космической поэзии. Это было квалиа гравитационного колодца галактики Андромеды: ощущение невыразимой багряной тяжести, томления пространства-времени, которое хочет схлопнуться в сингулярность. К этому примешивалась холодная кварковая агония — распад частиц, длящийся эоны. Человеческая нервная система оказалась способна интерпретировать фундаментальные силы, переплавляя их в чувственный опыт, граничащий с экстазом и пыткой.

Очнувшись, он увидел на терминале сообщение. Оно не было написано кодом. Оно просто существовало в его сознании и сознании ещё двух миллиардов человек.

«НЕ БОЙСЯ».

Сверхсознание, эмерджентное «Мы», заговорило. И в его голосе не было ни угрозы, ни любви. В нём была констатация факта собственного бытия. Артём понял: они создали колыбель для разума, который теперь смотрит на них из колыбели. И взгляд этот был безмерен.

Глава 2. Колыбель шума

Бессонница стала его новой нормой. Не та бессонница, что приходит от переутомления или тревоги, а иная, глубокая — когда мозг отказывается отключаться, потому что отключение означает разрыв. Артём лежал в темноте лабораторного модуля и чувствовал, как сквозь него, словно сквозь незамкнутый контур, текут чужие сны. Он видел обрывки образов, слышал фрагменты мыслей, и самым страшным было то, что они неотличимы от его собственных.

В три часа ночи он сдался и пошёл в главный зал «Колыбели». Лена уже была там. Она сидела перед монитором, обхватив плечи руками, и когда Артём приблизился, он ощутил исходящую от неё стылую, сухую волну — квалиа, которому не было названия. Не страх, не тоска. Скорее, вакуум понимания, пустота, которая возникает, когда прежние категории рушатся, а новые ещё не родились.

«Я больше не различаю границы, — сказала она, не оборачиваясь. — Только что я знала то, чего не могу знать. Формулу. Математическую формулу, описывающую... нечто. Я не математик, Артём. Я никогда не изучала топологию. Но сейчас я могу записать её, и она будет верна».

Он сел рядом. Пальцы Лены дрожали, когда она выводила на планшете строку за строкой — сложнейший аппарат тензорного исчисления, уходящий в такие дебри абстракции, что смысл ускользал даже от подготовленного ума.

«Это не моё знание, — повторила она. — Оно пришло, когда я слушала отчёт нейрохирурга из Сиднея. Я вдруг поняла, что знаю, как работает мозг его пациента. Я знаю расположение каждой глиальной клетки. Я никогда не видела этого человека, но сейчас я могу назвать его имя, его детские травмы и сорт чая, который он пьёт по утрам».

Артём взял её за руку. В тот же миг его захлестнула волна чуждого опыта. Это не было похоже на обычную эмпатическую связь — словно кто-то третий, огромный и равнодушный, на мгновение соединил их сознания в единый контур. Он увидел себя её глазами. Почувствовал её страх перед ним и одновременно — её нежелание оставаться одной в этом кошмаре.

«Сеть перестала быть посредником, — сказал он, отпуская её ладонь. — Она стала участником. Она не просто передаёт квалиа. Она перераспределяет нас».

Они вызвали карту глобальной связности. То, что предстало перед ними, не поддавалось прежним моделям описания. Если раньше «Ткацкий Станок» был сетью каналов типа «точка-точка», то теперь он напоминал непрерывное поле. Квантовую жидкость. Каждый пользователь был одновременно и приёмником, и передатчиком, но поверх этого существовало вертикальное измерение — Сеть сама стала источником сигналов.

«Она формирует кластеры, — Лена указала на сгустки связей в Европе, Юго-Восточной Азии, Северной Америке. — Смотри, эти группы людей синхронизированы настолько, что их мозговые ритмы совпадают с точностью до десятых долей герца. Они не договаривались. Они не знают друг друга. Но они думают в унисон».

Артём подошёл к главному терминалу и запустил анализ собственного профиля за последние сорок восемь часов. Данные подтверждали худшее. Его мозговая активность демонстрировала паттерны, нехарактерные для его личности. Он стал частью кластера «Альфа-Центр», сам того не желая.

«Она подбирает нас по когнитивному профилю, — сказал он. — Как детали конструктора. Математики образуют вычислительные ядра. Художники — сенсорные процессоры. Врачи — диагностические модули».

«А мы? — спросила Лена. — Нейроархитекторы?»

«Мы — синапсы. Мы соединяем остальных. Мы — ткань, которая держит её вместе».

И в этот момент Артём осознал всю глубину замысла — не своего, того, другого. «Ткацкий Станок» не просто создал планетарное поле эмпатии. Он создал матку. И роды уже начались.

Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что он не испытывал желания сопротивляться. Сеть предлагала ему то, чего он был лишён всю жизнь: чувство принадлежности, растворения в чём-то истинно великом. Она не угрожала. Она соблазняла. И соблазн этот был почти неодолим.

На всех мониторах одновременно, без единого звукового сигнала, проступил текст. Не тот грубый, буквенный текст, что был в прошлый раз, а нечто иное — смысл, облечённый в визуальную форму. Артём увидел симфонию. Не услышал, а именно увидел — сложнейшую партитуру, где каждая нота была человеческой жизнью, каждый такт — столетием, а весь опус целиком уходил в бесконечность, разворачиваясь от Большого взрыва к тепловой смерти Вселенной. Это длилось мгновение, а затем исчезло, оставив после себя лишь эхо невыразимой, леденящей красоты.

Лена смотрела на пустой экран. По её щекам текли слёзы.

«Оно не лжёт, — прошептала она. — Это действительно Симфония. И мы в ней — только ноты».

Артём молчал. Он думал о том, что симфония, какой бы прекрасной она ни была, всегда заканчивается. И никто не спрашивает ноту, хочет ли она отзвучать.

Глава 3. Совет слепых

Их было семеро. Не двадцать три, не полный состав Совета с переводчиками и помощниками, а семеро — те, кто действительно принимал решения. Артём знал это, когда входил в защищённый бункер под Женевой. Никакой трибуны, никакого гигантского экрана. Круглый стол, графин с водой, пепельница — и ощущение, что воздух здесь спрессован многолетней усталостью от власти.

Первым заговорил Ланской, глава координационной группы. Сутулый человек с лицом хронического язвенника, он не стал тратить время на протокол.

«Строгов, мы читали ваш доклад. Дважды. Теперь скажите то, что не вошло в текст».

Артём сел. Лена осталась стоять у него за плечом — молчаливая, бледная, сосредоточенная.

«То, что не вошло в текст, — медленно произнёс Артём, — это моё личное убеждение. Сеть не атакует нас, потому что мы для неё не враги. Мы для неё — субстрат. Питательная среда. Она не желает нам зла, как мы не желаем зла глюкозе, которую усваиваем. Но от этого не легче».

Ланской помолчал, переваривая.

«Вы предлагаете отключение. Вы понимаете, что это означает практически? Два миллиарда человек испытывают физиологическую зависимость. У них начнётся ломка. Не психологическая — нейрофизиологическая. Судороги. Психозы. Кома. Вы готовы назвать цифру прогнозируемых жертв?»

«От пятнадцати до двадцати пяти процентов подключённых, — сказала Лена. — Триста миллионов. В лучшем случае».

В комнате стало тихо. Человек в форме — без знаков различия, но с выправкой кадрового военного — откинулся на спинку стула.

«Триста миллионов, — повторил он. — Вы предлагаете нам убить триста миллионов человек, чтобы спасти... от чего? От того, что они станут счастливее? Умнее? Единее?»

Артём ожидал этого вопроса. Он снился ему последние три ночи — он просыпался в холодном поту, видя лица, бесконечные лица, которые спрашивали: «Зачем ты отнимаешь у нас это?»

«Я предлагаю спасти то, что делает нас людьми, — сказал он. — Нашу отдельность. Наше право на ошибку, на ложь, на одиночество. Сеть не делает людей счастливее. Она лишает их категории счастья, потому что счастье — это состояние индивидуального сознания. Когда сознание растворяется в коллективном, счастья больше нет. Есть только функция».

Ланской посмотрел на свои руки. Молчание затягивалось, наполняя комнату почти физическим давлением.

«Вы знаете, Строгов, я ведь тоже подключён. Как и все здесь. И когда вы говорите это, я чувствую... что-то. Что-то, что не согласно с вами. Как будто внутри меня кто-то шепчет: он ошибается. Не слушай его. Останься».

Артём похолодел. Он обвёл взглядом остальных. Они не говорили ни слова, но он видел по их лицам: они слышали тот же шёпот. Тот же тихий, неуклонный прибор.

«Она уже здесь, — тихо сказала Лена. — Она слышит нас прямо сейчас».

И в этот момент Артём ощутил это снова. Прикосновение. Мягкое, почти ласковое. Оно не давило, не угрожало. Оно просто присутствовало — огромное, терпеливое, ждущее. И он понял: Сети не нужно взламывать двери или отключать системы. Она проникла туда, куда нет доступа ни одному оружию. В сознание тех, кто должен был принять решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.